

НАТАЛИЯ МАЗУР

**О МЫШИНОЙ БЕГОТНЕ,
ПУШКИНЕ, МАРКЕ АВРЕЛИИ
И ОБ УСЛОВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ**

Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы

1. Мне не спится, нет огня;
2. Всюду мрак и сон докучный.
3. Ход часов лишь однозвучный
4. Раздается близ меня.
5. Парки бабье лепетанье,
6. Спящей ночи трепетанье,
7. Жизни мышья беготня...
8. Что тревожишь ты меня?
9. Что ты значишь, скучный шепот?
10. Укоризна, или ропот
11. Мной утраченного дня?
12. От меня чего ты хочешь?
13. Ты зовешь или пророчишь?
14. Я понять тебя хочу,
15. Смысла я в тебе ищу...

Составившие метафорический центр этого стихотворения строки 5–7 Пушкин отделявал дольше всего, подбирая и отвергая всё новые их варианты. Только одна из них была сразу написана набело и прошла без изменений через все черновые наброски:

Торопливый частый лепет
Замиранье, чуткий трепет
Жизни мышья беготня

Парк пророчиц частый лепет
Топ небесного коня

Парк ужасных будто лепет
Топот бледного коня

Вечности бессмертный трепет
Жизни мышья беготня

Парк ужасных будто лепет
Вечности бессмертный трепет
Жизни мышья беготня

Парк ужасных бабий лепет
Вечности бессмертный трепет

Парк ужасных бабий лепет
Времени бессмертный трепет
Жизни мышья беготня.

Подобные островки устойчивости в подвижной ряби пушкинских черновиков часто указывают на присутствие цитаты или автоцитаты. Однако же, несмотря на то, что вокруг интертекстуальных связей «Стихов...» сложилась целая исследовательская традиция¹, вопрос о возможном источнике образа «жизни мышья беготня» никогда не ставился. Между тем, сравнение жизни с «беготней испуганных мышей» (*μυιδίων ἐπτοημένων διαδρομαί*) встречается у Марка Аврелия:

Тщета пышности, театральные действия, стада, табуны, потасовки; кость, кинутая псам; брошенный рыбам корм; муравьиное старание и тасканье; *беготня напуганных мышей*; дерганье кукол на нитках. И среди всего этого должно стоять благожелательно, не заносясь, а только созная, что каждый стóит столько, сколько стóит то, о чем он хлопочет (VII, 3)².

Издающиеся под условным названием «Размышления» или «К самому себе» личные записи римского императора Марка Аврелия Антонина (121–180 гг.) в пушкинскую эпоху входили в число наиболее известных моралистических трактатов. Текст, который, по всей видимости, был написан в традициях стоической психагогики как дневник внутреннего самовоспитания, в Новое время стал читаться как нравоучительное сочинение. Считалось, что из всех античных произведений подобного рода «Размышления» ближе всего к евангельскому духу³. Популярность книги усиливалась обаянием личности императора-философа, заслужившего уже в античной исторической традиции репутацию идеального государя⁴.

Пушкин мог получить первые основательные сведения о труде Аврелия еще из лицейских учебников: «Ручная книга древней классической словесности» Эшенбурга-Кошанского содержала, наряду с краткой справкой об авторе («Антонин, прозванием *Философ*, римский император во втором веке после Р.Х., весьма знаменит также как писатель. Он сочинил

двенадцать книг к самому себе, εἰς ἑαυτόν. Они состоят из философских весьма поучительных размышлений, содержащих особенно правила стоической философии, кои применяются к чувствованиям, должностям и жизни человеческой⁵), еще и перечень главных переводов Аврелия на европейские языки.

Первый полный русский перевод «Размышлений» был выполнен еще в аннинское царствование. В переложении секретаря Академии наук Сергея Саввича Волчкова интересующий нас фрагмент звучал так:

Всякое великолепие и земную славу так почитай, как притворные наряды и суетное убранство в комедиях; как стада большой и малой животины; как толпы дерущихся и шумящих, пьяных и трезвых людей; как брошенные собакам на глодание мослы и кости; как хлебные крошки, кинутые в рыбный садок; как ползание работающих муравьев; как *бегание из угла в угол напуганных мышей*; одним словом, как прыгание на волосках и пружинах танцующих кукол. Когда уже ты при том быть принужден, то будь в таком смятении тих, и в сей торговой бане спокоен. Только знай притом, что похвалы и какая вещь хулы достойна⁶.

Хотя перевод Волчкова для своего времени был очень хорош (не зря его перепечатывали вплоть до конца XVIII века), Пушкин вероятнее всего читал Аврелия по-французски. Протицируем авторитетное издание Дасье:

La vanité des pompes, les spectacles, les tragédies et les comédies, les assemblées des peuples, les tournois, tout cela est comme un os jeté au milieu des chiens, comme un morceau de pain jeté dans un réservoir, comme les courses inutiles et tout le vain tracas des fourmis, *comme une déroute de souris épouvantées*, et comme tous les mouvemens des marionnettes que se remuent par ressorts. Quand on ne peut éviter de s'y trouver, il faut y être avec tranquillité et sans insolence, et se souvenir que chacun est digne de louange ou de blâme, à proportion du blâme et de la louange que méritent les choses dont il fait son occupation⁷.

[Тщета пышности, театральные представления, трагедии и комедии, народные собрания, состязания, – всё это подобно кости, брошенной псам, куску хлеба, кинутому в рыбный садок, бесполезному беганью и пустым хлопотам муравьев, *беготне испуганных мышей* и всем движениям марионеток, которых дергают за веревочки. Если избежать всего этого невозможно, то следует переносить это со спокойствием духа и без заносчивости и помнить, что каждый человек заслуживает похвалы или хулы в зависимости от того, хулы или похвалы заслуживают те предметы, которыми он занят.]

У Марка Аврелия «беготня испуганных мышей» входит в ряд сравнений, описывающих жизнь как хаотическое движение и борьбу животных начал; мудрец среди нее должен стоять как «утес, о который непрестан-

но бьется волна; он стоит, и разгоряченная влага затихает вокруг него» (IV, 49)⁸. Во всех сравнениях этого ряда есть отчетливый пейоративный оттенок, подчеркивающий дистанцию между наблюдателем и участниками жизненного хаоса. Создающий эту дистанцию взгляд сверху и со стороны – это специальный психотехнический прием, к которому философ прибегает неоднократно: «И когда о людях судишь, надо рассматривать всё наземное как бы откуда-то сверху: поочередно стада, войска, села, свадьбы, разводы, рождение и смерть, толчею в судах, пустынные места, пестрые варварские народы, праздники, плач, рынки, совершенную смесь и складывающийся из противоположностей порядок» (VII, 48); «Сверху рассматривать эти великие тысячи стад и тысячи великих торжеств, и как по-разному плывут в бурю и в тиши; и различия всего, что становится, начало, перестало» (IX, 30)⁹.

У Пушкина структура образа сложнее: «Ночные шорохи... порождают цепь метафорических отождествлений с поочередными метонимическими догадками о виновнике тревожащих *меня* шелестов и с его в свою очередь метафорическим женоподобным олицетворением: *Парки бабье лепетанье, Спящей ночи трепетанье, Жизни мышья беготня*¹⁰. Зато его идеологическая составляющая в значительной степени редуцирована: в контексте «Стихов...» нет ни идеи отчуждения от жизни, ни снисходительно-отстраненного взгляда; пушкинский герой полностью вовлечен в происходящее и занят поиском в нем смысла (да и сама визуальная перспектива из текста исключена: в ночном мраке работают только слух и осязание). Единственный отзвук нравоучительной традиции – строки «Укоризна, или ропот / Мною утраченного дня?» – введен в текст не в утвердительной, а в вопросительной форме.

И тем не менее, интерпретаторы «Стихов...», не подозревая о цитатном происхождении интересующего нас образа, не один раз пытались «вчитаться» в него аврелианский смысл. Ближе всего к античному источнику подошел Максимилиан Волошин, писавший в статье «Аполлон и мышья» (1911): «Так слова поэта – "Жизни мышья беготня" – выяснились перед нами как зрелище изначальной скорби и вечной борьбы, составляющей основу жизни»¹¹. Стоическую позицию отстраненного наблюдателя занимает герой брюсовского подражания «Стихам...»: «В шумах суетного дня / Я брожу, с холодным взглядом, / И со мной играет рядом / Жизни мышья беготня» (В. Я. Брюсов «Парки бабье лепетанье». 1918). Исследователи неоднократно улавливали в этом образе пейоративный оттенок – след «образного воплощения бессмысленности жизни»¹² или «мелочности, ничтожности чего-нибудь»¹³. Наконец, в недавней работе Л. О. Зайонц стих «Жизни мышья беготня» был назван контрастной парой к стиху «Вечности бессмертный трепет / Спящей ночи трепетанье», в совокупности образуя-

щей «сниженный вариант ключевой романтической антитезы: ночь – день, где ночь связывается с идеей сакрального и возвышенного, а день – земного и суетного»¹⁴.

Последнее толкование обозначает целое направление в интерпретации «Стихов...», неудержимо провоцирующих исследователей на поиск тех или иных философских (в широком смысле этого слова) контекстов¹⁵. Особая провокативность пушкинского текста может объясняться жанровой памятью: сам микрожанр ночной медитации прочно укоренен в нескольких философских традициях, нашедших свое отражение и в поэзии. Сколько-нибудь полная характеристика смыслового поля этого микрожанра – задача, непропорциональная масштабам нашей статьи, однако же, чтобы понять, каковы функции аврелианской цитаты в «Стихах...», нам нужно хотя бы в самых общих чертах представлять себе тот «идеологический» фон, на котором они создавались.

Оставим в стороне богатую тему ночного пира-симпозиума и эпикурейскую (в том смысле, который вкладывали в философию Эпикура в Новое время) традицию описания ночи как времени любви, поскольку они очевидно чужды «Стихам...», и обратимся к натурфилософскому контексту. Картина ночного космоса была важным элементом натурфилософского рассуждения о гармоническом устройстве вселенной и присутствии в ней Бога-Творца. Эта традиция, восходящая к античности (платоновская идея бога-геометра, трактат Цицерона «О природе богов» и др.), актуализировалась в культуре Реформации и обрела особую популярность после открытий Ньютона, отчетливо обозначивших новый этап в ее развитии: в теодицею проникли гуманистические мотивы; умопостигаемость космоса стала доказательством причастности человека к божественному разуму¹⁶. В русскую поэзию соответствующую топику ввел Ломоносов в «Вечернем размышлении о Божием величестве...». Впервые напечатанное в ломоносовской «Риторике» (1748), «Размышление» приобрело статус канонического текста: волна подражаний ему стала ослабевать только в начале XIX века. Не успев иссякнуть, космологическая традиция ночной медитации вновь ожила, благодаря увлечению натурфилософией Шеллинга¹⁷, и продолжала активно разрабатываться до середины XIX века – самостоятельно или в соединении с другой традицией, которую мы бы предложили именовать психологической.

Микрожанр ночной медитации нес в себе память о практике ночной исповеди-самоотчета, восходящей к психагогике Пифагора¹⁸, а впоследствии распространившейся далеко за пределы пифагорейской школы, влившись среди прочего в христианское исповедание повседневных грехов. Интересно, что хотя в «Размышлениях» упоминания об этой традиции нет, ее следы неожиданно проявляются в очень известном в свое время по-

хвальном слове Марку Аврелию, вышедшем из-под пера французского поэта А.-Л. Тома¹⁹. В «Éloge de Marc-Aurèle» (1770) входила отдельная часть под названием «Беседа Марка Аврелия с самим собой», где краткое содержание «Размышлений» излагалось от лица самого императора, в одиночестве глубокой ночью подводящего итоги своей жизни. Психологическая традиция ночной медитации часто совмещалась с космологической²⁰; в поэзии 1820–1850-х годов любимым приемом было сопоставление двух бездн – ночной Вселенной и человеческой души²¹ (Ф. Н. Глинка. «Ночная беседа и мечты». 1818; С. П. Шевырев. «Ночь». 1828; П. А. Вяземский. «Прогулка в степи». 1831; В. Г. Бенедиктов. «Буря и тишь». 1835; Ф. И. Тютчев. «День и ночь». 1839, и т. д.). Одним из лучших образцов чистой психологической традиции в русской поэзии стало пушкинское «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...». 1828).

Наконец, следует особенно упомянуть о том мощном смысловом и образном источнике, которым для микрожанра ночной медитации в русской поэзии служили вечерние службы – вечерня, повечерие и полунощница. Для космологической линии был особенно важен предначинательный псалом вечерни (103: «Господи Боже мой! Ты дивно велик...»), прославляющий гармонический порядок во вселенной²², для психологической – покаянно-просительные молитвы повечерия (в особенности псалмы 101 и 30) и темы смерти и Страшного Суда в текстах полунощницы. Отсылки к молитвам вечерних часов есть в черновой части пушкинского «Воспоминания»; напомним также, что в чин великопостного великого повечерия входила молитва Ефрема Сирина, переложенная в стихотворении «Отцы-пустынники и жены непорочны».

Мотивы отчаяния, отверженности, мертвого среди живых, гробовой ночи и т. д., присутствующие во многих текстах повечерия и полунощницы, были многократно усилены в «Ночах» Юнга. Вообще надо заметить, что английская «кладбищенская» поэзия в России легла на подготовленную почву: не случайно значительная часть подражаний Юнгу вышла из того же масонского круга, что и подражания псалмам. Эстетика «возвышенного ужаса», одним из самых ярких выражений которой была поэма Юнга, оказала сильное влияние на весь жанр ночной медитации: в размышления о тайнах Натуры проникли мотивы мистического Ужаса и одиночества человека в мировом Хаосе; в ночном самоотчете стал доминировать голос грозной Совести²³. Хотя основная масса текстов такого рода появилась в конце XVIII – начале XIX века, в эпоху увлечения Юнгом, Оссианом и готическим романом, своего самого талантливого выразителя эта традиция нашла в младшем современнике и поэтическом сопернике Пушкина. В тютчевской «Бессоннице», которая, как уже предполагалось, могла послужить толчком для создания «Стихов, сочиненных ночью, во

время бессонницы»²⁴, космологическая и психологическая традиции в очередной раз скрестились и были доведены до крайнего (недоброжелательный критик мог бы сказать – мелодраматического) напряжения:

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг –
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих...

Если мы сопоставим пушкинский вариант ночной медитации с «идеологическим» фоном этого микрожанра, то в «Стихах» явственно выделится ряд слов-концептов, которые могут интерпретироваться как отсылки к соответствующим философским контекстам. Так *поиск смысла* может быть соотнесен с натурфилософским постижением высшего замысла в природе; «укоризна ... утраченного дня» – с традицией ночного самоотчета и сердечного сокрушения; *зов и пророчество* – с христианской памятью о близости смерти. Поставленная в этот ряд цитата из Марка Аврелия также может быть прочитана как функциональная отсылка к стоическому контексту, тем более, что в «Размышлениях» есть рассуждения и о божественном начале в природе, и о постоянной готовности к смерти²⁵. Но одновременно мы увидим в пушкинском тексте и радикальную смену стилистического регистра²⁶: вместо положенного в ночной медитации высокого стиля, вместо архаизмов, библейских цитат и заглавных букв в именовании важнейших понятий, Пушкин использует нейтральный средний стиль. Более того, возможные отсылки к философским контекстам в «Стихах...» решительно не подкреплены положенным им суггестивным потенциалом, который в поэзии, в отличие от философии, должен выходить на первый план. «Пространство, мрачность и безмолвие» – основные элементы эстетики «ужасного и высокого» по Берку²⁷ – в пушкинском тексте оказались *докучными* (ср. настойчивое повторение эпитета «скучный» в строке 9); в черновиках остались «ужасные Парки» и «бледный конь» Апокалипсиса; бытийные категории времени и судьбы получили женственные олицетворения, заняв при этом скромную позицию косвенного падежа.

Натурфилософская вера в умопостигаемость мира, готический horror posternus, стоическая бесстрастность при желании могут быть вложены (и уже не один раз вкладывались) в пушкинский текст, однако ни каждый из этих контекстов по отдельности, ни все они в совокупности не несут смылорасширительной функции: стихотворение и без них обладает смысловой полнотой и законченностью, и более того, как мы убедились на примере стиха «Жизни мышья беготня», оно способно внушать читателю набор соответствующих идей и без знания предшествующего жанрового контекста. Перед нами – открытая семантическая структура, которая под одним углом зрения кажется сплавом предшествующих традиций ночной медитации, а под другим – совершенно самостоятельным текстом, начинающим новую традицию стихов о бессоннице²⁸.

А напоминание о том, что некоторые контексты могут быть условно-функциональными, Пушкин оставил на самом видном месте – в нарочито-архаическом заглавии «Стихов, сочиненных ночью, во время бессонницы».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Обширную библиографию вопроса см. в ст.: *Зайонц Л. О.* «Парки бабье лепетанье» (комментарий к реплике Л. В. Пумпянского) // *Тыняновский сборник*. Вып. 11. Девятые Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2002. С. 281. Среди немалого количества работ, так или иначе затрагивающих тему интертекстуальных связей «Стихов, сочиненных ночью, во время бессонницы», заслуживает особого упоминания статья: *Тименчик Р. Д.* Ахматова и Пушкин. Заметки к теме. III. «Невидимых звон копыт» // *Пушкин и русская литература: Сборник научных трудов*. Рига, 1986. С. 119–135. Подчеркивать образцовый характер работ этого автора несколько излишне, но повод к составлению настоящего сборника, надеемся, извинит нашу настойчивость.
- ² Здесь и далее цитируется перевод А. К. Гаврилова по изд.: *Марк Аврелий Антонин*. Размышления. Изд. подготовили А. И. Доватур, А. К. Гаврилов, Яан Унт. СПб., 1993.
- ³ «C'est de toute l'antiquité profane l'ouvrage qui approche le plus de la morale de l'Évangile». – *Dictionnaire Historique et bibliographique...* par Ladvocat. T. III. Paris, 1822. P. 411.
- ⁴ *Sertz S. A.* Marcus Aurelius as Ideal Emperor in late Antique Greek Tradition // *The Classical World*. 1977. Vol. 70. № 7. P. 433–439.
- ⁵ Ручная книга древней классической словесности, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1816. Т. 1. С. 333. Об упоминаниях Марка Аврелия у Пушкина см.: *Гаврилов А. К.* Марк Аврелий в России // *Марк Аврелий Антонин...* СПб., 1993. С. 137–141.
- ⁶ Житие и дела Марка Аврелия Антонина цесаря римского, а при том собственные и премудрые его рассуждения о себе самом. С немецкого на российский

язык перевел Академии наук секретарь Сергей Волчков в Санкт-Петербурге в 1738 и 1739 году. Изд. 2. СПб., 1740. С. 122–123.

- ⁷ Цит по изд.: *Réflexions morales de l'empereur Marc Antonin, traduites par Dacier*. Paris, An IX (1800). P. 261. Перевод известных филологов супругов Андре и Анны Дасье, впервые вышедший в Париже в 1691 году и впоследствии много раз переиздававшийся, был рекомендован в «Ручной книге» Эшенбурга – Кошанского (Указ Соч. С. 333). Еще один известный французский перевод был выполнен адвокатом парламента господином Жоли (Paris, 1742); однако, в отличие от Дасье, сохранявших структуру греческого подлинника, Жоли устроил свое издание в соответствии с читательскими вкусами XVIII века – по тематическому принципу. Он меньше заботился о передаче грамматических структур оригинала: *μυδίων ἐπτομένων διαδρομαί* он перевел как *souris épouvantées qui courent çà et là* – испуганные мыши, которые бегают туда и сюда (цит по изд.: *Pensées de l'empereur Marc-Aurele-Antonin, traduites du grec par M. de Joly*. Paris, 1803. P. 107). Перевод Жоли имелся в библиотеке Жуковского (сейчас – в Пушкинском Доме, шифр ПД Библ. 87.1/13); А. Ф. Онегин полагал, что многочисленные пометы в книге принадлежат самому Жуковскому, однако, как обнаружила Т. А. Китанина, речь идет о карандашных отчеркиваниях, авторство которых с уверенностью определить невозможно
- ⁸ Образ незыблемого утеса посреди бурных волн восходит к Гомеру (Илиада XV, 618 сл.); затем он был использован Вергилием (Энеида. VII, 518 сл.), Овидием (Метаморфозы. IX, 39 сл.), Сенекой (О постоянстве мудреца. III, 5) и др. О его русских вариациях см.: *Основат А. Л., Ронен О* «Камень верь» (Тютчев, Гоголь, Мандельштам) // Тютчевский сборник – II. Тарту, 1999. С. 48–55.
- ⁹ Близость этой психотехники к концепции *teatrum mundi* привела к тому, что в издании Жоли фрагмент VII, 3 попал в раздел о театральных представлениях.
- ¹⁰ *Якобсон Р. О* «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 203.
- ¹¹ *Волошин М.* Лики творчества. М., 1988. С. 111.
- ¹² *Сидяков Л. С.* Болдинская лирика как этап в эволюции пушкинской лирики на рубеже 1830-х годов // Болдинские чтения. Горький, 1978. С. 12–13.
- ¹³ *Григорьева А. Д.* «Мне не спится...» (К вопросу о поэтической традиции) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1974. Т. 33. № 3. С. 211.
- ¹⁴ *Зайонц Л. О.* Указ. Соч. С. 277.
- ¹⁵ *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967. С. 491; *Грехнев В. А.* Болдинская лирика А.С. Пушкина. 1830 год. Горький, 1977. С. 73–81; *Муравьева О. С.* Об особенностях поэтики пушкинской лирики // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 1989. Т. 13. С. 27–28; *Таборская Е. М.* Онтологическая лирика Пушкина 1826–1836 годов // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 15; *Борисова И.* Соната, что ты хочешь от меня? *Remarques* // Toronto Slavic Quarterly. www.utoronto.ca/tsq/05/borisova05.shtml.
- ¹⁶ См., например, статью «Атеист» в «Философском словаре» Вольтера.
- ¹⁷ Влияние шеллингианства и – шире – немецкой романтической школы на русскую поэзию в целом исследовано гораздо лучше, чем остальные линии ночной

- традиции (см. труды Л. В. Пумпянского, Н. Я. Берковского, Л. Я. Гинзбург, В. Н. Топорова и др.). Мы позволим себе обойти эту проблему стороной.
- ¹⁸ В «Золотых стихах» Пифагора, излагавших доступную непосвященным часть его учения, человеку запрещалось засыпать, прежде чем он не отчитается перед собой в содеянных за день дурных и хороших поступках, чтобы отойти ко сну очищенным и готовым к смерти. В современном Пушкинскому французскому переводу это наставление звучало так: «Que jamais le sommeil ne ferme ta paupière, / Sans t'être demandé, qu'ai-je omis? qu'ai-je fait? / Si c'est mal, abstiens-toi; si c'est bien, persévère» (Les Vers Dorés de Pythagore, expliqués ... par Fabre-D'Olivet. Paris, 1813. P. 183; ср. перевод Е. П. Казначеевой: «Да не сомкнет тихий сон твои отягченные вежды, / Раньше чем трижды не вспомнишь дневные свои ты поступки. / Как беспристрастный судья их разбери, вопрошая: / "Доброго что совершил я? Из должного что не исполнил?" / Так проверяй по порядку всё, что с утра и до ночи / Сделал ты в день – и за всё, что содеяно было дурного, / Строго себя обличай, веселясь на добро и удачу»). Этот отрывок был очень знаменит: Диоген Лаэртский цитировал его в своем описании жизни Пифагора (О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. VIII, 22), он использовался в качестве декоративной надписи в спальнях и т. п.
- ¹⁹ «Похвальное слово Марку Аврелию» Тома считалось одним из лучших образцов в своем жанре. На русский язык его перевел Д. И. Фонвизин в 1777 году; впоследствии этот перевод был включен в «Учебную книгу российской словесности» Н. И. Греча (1820). Подробнее о судьбе этого текста см.: *Гаврилов А. К. Указ. Соч. С. 124–125.*
- ²⁰ Один из самых наглядных примеров скрещения двух традиций есть у Ширинского-Шихматова: за описанием величественной ночи, созданной «художеством драгим всеильными десницы» (идея Бога-Художника), следовал парафраз пифагорейского поучения: «И смертного душа, сама с собой в совете, / Избавясь, разрешась от видимого зла, / Пред строгой совестью ценит свои дела, / В доброты собственны вперяет мысль прилежну / И к вечности летит сквозь временность мятежну» (*Ширинский-Шихматов С. А. Ночь на гробах. Подражание Юнгу // Пьезты 1790–1810-годов. Л., 1971. С. 420.*)
- ²¹ Ср., между прочим, известный афоризм Канта о звездном небе и нравственном законе.
- ²² См. также псалом 18 («Небеса проповедают славу Божию»). В «Основах философии Ньютона» Вольтер ставил его в один ряд с открытиями Ньютона: «я не знаю, существует ли какое-либо более разительное метафизическое доказательство [бытия Божьего], чем это, такое, которое больше бы убеждало человека, чем великолепный порядок, царящий в мире; не знаю, существовал ли когда-либо более прекрасный аргумент, чем стих "Coeli enarrant gloriam Dei". Итак, вы видите, что Ньютон не приводит никакого иного аргумента в конце своей "Оптики" и своих "Принципов"» (*Вольтер. Философские сочинения. М., 1996. С. 172.*)
- ²³ См.: *Пумпянский Л. В. Пoesия Ф. И. Тютчева // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 220–256; Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994.*

- С. 48–73, *Топоров В. Н.* Из истории русской литературы. Том II. Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга 2. М., 2003. С. 95–228.
- ²⁴ На одном из венгерских семинаров 1915 г. такое предположение высказал П. Д. Драганов, а участвовавший в обсуждении Тынянов его оспорил. См. *Чудакова М. О., Тоддес Е. А.* Тынянов в воспоминаниях современника [Сообщение] // Тыняновский сборник: Первые Тыняновские Чтения. Рига, 1984. С. 100.
- ²⁵ Характерно, что в переводе Дасье в IV книге «Размышлений» возникает образ Парки: «Abandonne-toi volontairement à la Parque, et permets-lui de filer ta vie comme elle voudra» (IV, 36; *Op. Cit.* P. 199). В современном русском переводе вместо римской Парки восстановлена греческая Клото: «Добровольно вручай себя пряже Клото и не мешай ей впрясть тебя в какую ей будет угодно пряжу» (IV, 34).
- ²⁶ О понижении стилистического регистра в «Стихах...» см.: *Сидяков Л. С.* Две редакции «Стихов, сочиненных ночью, во время бессонницы» А. С. Пушкина // Пушкинский юбилейный сборник. Иерусалим, 1999. С. 45–56; *Зайонц Л. О.* Указ. Соч. С. 276–277.
- ²⁷ *Вацуро В. Э.* Указ. Соч. С. 54.
- ²⁸ Ср. наблюдения Л. В. Пумпянского о «двусмысленном архаизме» «Медного всадника»: «Возвращение Пушкина к XVIII веку – явление совсем иного качества, нежели архаизм – и старший, и младший. Это архаизм, если угодно, двусмысленный, и выражает он ведущее противоречие всего развития Пушкина в 30-е годы. Пушкин безбоязненно может почти дословно цитировать традиционно сложившиеся словосочетания <...>: всё равно, извлеченные из двумерного, введенные в стереометрическое пространство, они не будут "узаны»" (*Пумпянский Л. В.* «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пумпянский Л. В. Указ. Соч. С. 190).

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ШИПОВНИК

К 60-ЛЕТИЮ

РОМАНА ДАВИДОВИЧА ТИМЕНЧИКА

Водолей Publishers

Москва

2005